

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94.47

КРЕСТЬЯНСТВО ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917)

М. В. Оськин

Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, Тула
E-mail: maxozv@yandex.ru

Статья посвящена проблеме взаимодействия крестьянства Центральной России и государственной власти в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Военный период стал благоприятным временем для российской деревни в борьбе за земельный фонд страны. Война, принеся с собой неизбежные тяготы и затруднения, тем не менее, не нанесла сельскому хозяйству России сильного ущерба. Используя разнообразные способы давления на власть, к февралю 1917 г. крестьянство было готово к реализации своих надежд в жизнь, прежде всего в форме «черного передела».

Ключевые слова: крестьянство, деревня, борьба за землю, «черный передел».

The Peasantry of Central Russia during the First World War (1914 – the February of 1917)

M. V. Os'kin

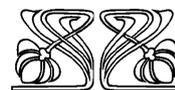
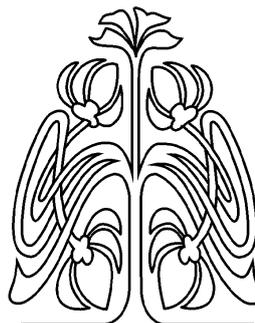
The article is devoted to the interaction of the peasantry of Central Russia and the government during the First World War (1914–1918). The military period was favorable for the Russian village in its struggle for the country's land fund. The war, bringing forth inevitable hardships and difficulties, did not, however, damage the Russian agriculture severely. Using different ways of putting pressure on the government, by the February of 1917 the peasantry was ready for the implementation of their hopes, especially in the form of the «black partition».

Key words: peasants, village, struggle for land, «black partition».

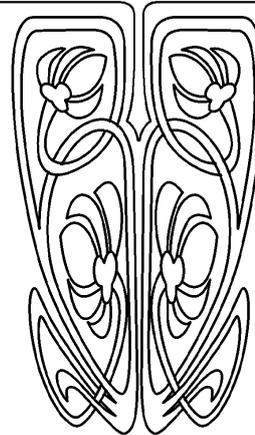
DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-85-90

Вступление Российской империи в Первую мировую войну вызвало внутри страны взрыв патриотизма. Мобилизации 1914 г. – первой половины 1915 г. проходили спокойно. Основными стабилизирующими факторами сельского социума были «хорошие урожаи 1914 и 1915 гг., выдача солдаткам казенного пайка, организация общественной помощи семьям, потерявшим кормильцев, рост цен на сельскохозяйственную продукцию»¹.

Деревня реагировала на войну в целом соответственно итогам разворачивавшихся боев и их последствиям, так как это оценивалось прессой и известиями с фронта от родных. Так, в период галицийских побед 1914 г. министерство внутренних дел получало оптимистичные отчеты о том, что «успехи русских войск вызывают среди всего населения энтузиазм». Это явление стало особенно неподдельным после взятия русскими войсками Львова, что было широко разрекламировано в прессе. Население внутри империи и, в частности, в российской деревне напряженно следило за ходом военных событий, надеясь на скорую и победоносную развязку². Тем не менее с объявлением военных действий крестьянство России получает мощный катализатор в виде претензий деревни на весь земельный фонд страны. Губернии земледельческих регионов активно включились в борьбу за землю, протекавшую поэтапным воздействием от соответствующей психологической обработки умов до открытого захвата земли в 1917 г. Не-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

сомненна прообщинная направленность данного процесса при антисобственнической, осторожной позиции «давления» крестьянства на верховную власть с целью разрешения аграрного вопроса в свою пользу и на своих собственных условиях по окончании войны.

Разнообразие приемов этой борьбы, которая пока еще не могла стать открытой, и степень обоснования претензий на землю, невзирая на явные промежуточные успехи столыпинской аграрной реформы, свидетельствуют по-прежнему о преобладающем в деревне приоритете идеи так называемого «черного передела», то есть слияния всего земельного фонда в один-единственный массив, подлежащий равному и справедливому переделу между тружениками на земле. Распространение слухов об уничтожении по распоряжению лично императора дворянского землевладения началось сразу же после открытия военных действий, массовых мобилизаций и широкомасштабных боев на западных границах Российской империи. Крестьянство практически сразу осознало весь размер и размах начавшейся войны; основание на земельные претензии было заложено лейтмотивом защиты Отечества всеми крестьянами страны.

Крестьянство, несомненно, было готово на немалые жертвы ради победы. Например, в 1914 г. многие сельские общества Воронежской губернии изъявили желание отдать фронту хлеб из хлебозапасных магазинов со значительной скидкой или даже бесплатно³. При этом готовность к самопожертвованию сохранялась довольно долго. Так, в 1916 г. крестьяне Курского уезда пожертвовали 16 тыс. рублей – «посильную лепту крестьян на нужды войны», как было сказано в адресе на имя императора⁴. Однако будучи не прочь помочь армии, крестьяне явно не желали давать хлеб городу или соседним губерниям. Очевидно, такой настрой мотивировался тем, что в армии служили сыновья хлебопроизводителей, а кроме того, войска «защищали Отечество», подчиняясь воле царя. Поэтому в конце 1916 г. с обострением продовольственного кризиса местные власти производящих регионов иногда просили разрешения подвозить хлеб в такие пункты сосредоточения, откуда было возможно вывезти продовольствие незаметно для населения⁵.

За годы войны деревня сконцентрировала в своем общественном сознании «законность» захвата и передела, их моральное оправдание в глазах всего социума. Известные максимы «векового права» крестьянства на всю землю типа «Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий», «Земля сотворена для всех, на ней живущих» и др.⁶ были дополнены мотивом «жертвенности» деревни в мировой войне и необходимости передачи ей за это всей земли «в награду». Крестьянство, требуя земельного надела за свою кровь, тем не менее, имело довольно неясное представление о том, откуда взять эту самую «наградную» землю. И если деревня в принципе

знала лишь один «резервуар» – частновладельческая земля, то армия привнесла еще и надежды на прирезки из земель немецких колонистов в России, галицийских территорий, иного завоеванного пространства⁷. По стране циркулировала информация о передаче «немецкой земли» (не только иностранцев граждан, но в том числе и русских подданных немецкого происхождения) именно крестьянству⁸. Например, в Воронежской губернии проживало немало немецких колонистов, и губернские власти в 1915 г. постоянно получали сообщения из различных волостей о «подозрительных аэропланах» над поселениями колонистов. А в одном из сел после того как немец-колонист за пропаганду успехов германского оружия был арестован на две недели, а русский крестьянин, возглавивший выступление против землеустроительных работ, – на три, начались волнения, перед которыми власть была вынуждена пойти на уступки. В итоге, воронежский губернатор доносил в МВД, что «с каждым днем неприязнь к немцам обостряется»⁹. Исходя из этого, настоятельное требование о прекращении на местах противозаконной агитации об отобрании земель удельного ведомства, монастырей, церкви, помещиков, «немцев», МВД, было предъявлено к губернаторам уже в декабре 1914 г. При этом текущие события военного времени рассматривались как последний, завершающий вклад крестьян в «справедливость» удовлетворения вековой надежды – обретения всего земельного фонда тружениками на земле.

Община отказывала помещикам в историческом праве на землю. Поэтому, обосновав «законность» своих прав во времени, было необходимо переместить владельческую собственность и в пространстве. Слухи в деревне первоначально нацеливались на некое более или менее благоприятное для всех решение: царь наделит крестьян помещичьей землей, а помещики получат землю в Сибири. Правовая «незаконность» владения землей помещиками подлежала усугублению в умах широких народных масс, дабы убедить власть наградить крестьян. Поэтому по уездам великорусских губерний распространялись слухи о помощи местных землевладельцев противнику. Эта «помощь врагам» со стороны помещиков, по мнению крестьян, могла выражаться в денежном эквиваленте продовольствия, пересылаемого врагу; льготной передаче хлеба и других продуктов; отсутствии должной помощи своей, русской, армии в поставках лошадей, продовольствия и т. п.; передаче противнику каких-либо, но непременно секретных планов¹⁰. Такой подход означал претензию на землю «предателей» со стороны крестьянства.

Молва, как правило, зачисляла в «предатели» всех более-менее крупных местных землевладельцев. Например, князь А. Голицын – помещик Ефремовского уезда Тульской губернии – сообщил своему брату в Петроград уже 8 декабря 1914 г.: «По всему нашему уезду распространяются самые нелепые слухи относительно всех средних и

крупных землевладельцев, без различия сословий, будто они, симпатизируя немцам, продали им свой хлеб и иные припасы, с тою надеждою, что, когда немцы нас заберут, можно будет восстановить крепостное право. Причем говорят, что многих уже арестовали и повесили за это»¹¹.

Сообщение из Тамбовской губернии в январе 1915 г. указывало: «...Между крестьянами Липецкого уезда также распространяются нелепые слухи о том, что будто бы местные землевладельцы Кожины, Трубецкие, Толстые и др. собирают между собой деньги и отсылают их в Германию для завоевания России. Что в случае победы над Россией император Вильгельм отдаст всех крестьян в крепостное право дворянам, оказывавшим ему помощь в завоевании. Если же победит Россия – земля от дворян-помещиков будет отобрана и отдана в надел крестьянам, так как они, главным образом, являются защитниками Родины и победителями врага... в Лебединском уезде еще с начала войны циркулировали различные слухи о помещичьей земле и войне... отъезд [местного помещика] Кирюшина в Москву объяснен был арестом и высылкой его... в Сибирь». В ежемесячной отчетной справке тамбовского губернатора в МВД о настроениях местного населения от 12 февраля говорилось: «В некоторых уездах распространялись слухи о предстоящем будто бы после войны, по повелению Государя Императора, наделе всех крестьян земель, отобранной у отрубщиков и помещиков, кои собирают якобы между собою деньги для посылки в Германию... крестьяне начинают тяготиться продолжительностью войны и выражают сомнение в благоприятном ее исходе, а также опасение, что некому будет производить полевые работы, и недовольство массовым освобождением военнообязанных рабочих и чинов земской полиции от военной службы»¹².

В донесениях местных властей постоянно упоминалось о том, что отпускные солдаты часто затрагивали земельную проблему – «мы теперь знаем, как взять землю». Крестьяне в шинелях, почувствовав силу и ощутив чувство товарищества в масштабах всей страны, были готовы к насильственному захвату земли в случае неполучения таковой из рук государства при благоприятной ситуации. В этом случае физическое «отсутствие» помещиков и (или) принятие ими стороны неприятеля означало бы, что помещичья земля становится «свободной», то есть подлежащей передаче крестьянству. На фоне пропагандируемого «предательства» и «неумения», слабости верховной власти вообще и гигантского количества слухов негативного характера традиционные формы крестьянского движения со второй половины 1915 г. постепенно, медленно, но верно стали принимать антивоенную направленность.

Таким образом, крестьянство стремилось как к физическому, так и к моральному оправданию своих претензий на частновладельческую землю после войны. Несмотря на кажущийся элемент

легитимности в слухах («отобрать землю у тех, кто не защищает Родину» и (или) «помогает противнику») крестьянским правосознанием закладывался еще один страховочный квазиюридический казус. Признавая в первую очередь устную традицию, а не письменное уведомление, традиционное правосознание стремилось закрепить в общественной психологии неправомерность владения землей со стороны собственников. Тогда, даже после нежелания властей пойти навстречу по окончании войны, можно будет сделать упор на сентенции «Всем известно!», чтобы попытаться настоять на передаче всего земельного фонда общине. Крестьяне утверждали, что помещики с опорой на немецкие штыки желают восстановить крепостное право в России. Антитезой тут же звучало умозаключение, что в случае победы России вся земля дворян перейдет крестьянам.

С начала войны несколько изменились условия аренды в сторону увеличения арендных цен и требования предварительной уплаты арендных сумм. Но и без этого дворяне заметили явное нежелание общинников к арендованию уже в 1914г.: арендовать землю крестьяне не собирались, так как считали ее и без того своей. Источники отмечают такое настроение, как убежденность в том, что «по окончании войны Государь и так отдаст ее крестьянам»¹³. Отказ крестьян от работы на частновладельческой земле подразумевал не только надежду на переход земли в руки села, но и возможность вынужденной распродажи помещиками своих земель крестьянству. Был выдвинут такой любопытный ход, как разговоры о том, что призванные в вооруженные силы землевладельцы несут службу в гораздо менее тяжелых условиях (гвардия, кавалерия), чем крестьяне (пехота). В деревне утверждалось даже, что члены семей, призванных на фронт, могут бесплатно пользоваться помещичьей собственностью. Периодические перебои с продовольственным снабжением также были использованы как лазейка для новых поповлений против помещиков. Крестьяне заявляли, что члены их семей несут лишения на войне, а у них дома нет хлеба и об этом никто не заботится. Отсюда вполне логично вытекал вывод о правовой вынужденности погромов и поджогов купеческих складов и дворянских усадеб. Утверждалось, что именно там якобы было возможно взять средства для помощи бедствующим от дороговизны семьям солдат¹⁴.

В ходе войны всякая грань между землевладельцами в смысле их сословной принадлежности постепенно стиралась; с новой силой развернулся процесс борьбы поземельной общины с мероприятиями столыпинской аграрной реформы. Продолжение реформы в деревне во время войны воспринималось общинным крестьянством как несправедливое и сомнительное деяние, негативное, тем более что проводилось в отсутствие значительной массы крестьян, находившихся на фронте. Ведь выделение и укрепление в собственность на-

дельной земли выводило ее из-под контроля и распоряжения общины. Кроме того, продолжение укрепления земли в собственность во время войны порождало оценки этого мероприятия как стремление выделенцев получить лучшие земли, то есть воспользоваться ситуацией для «обмана» общины. Так, отмечая, что население «вообще раздражено против лиц, купивших земли», начальник Тамбовского губернского жандармского управления указывал, что крестьянство оценивает эти покупки как «спекулятивные сделки», поэтому и ведет борьбу с ними¹⁵.

Верховная власть, сознававшая всю нежелательность нового обострения социальных противоречий в деревне, не могла идти на масштабную конфронтацию в условиях войны. Циркуляры Главного управления землеустройства и земледелия от 22 августа 1914 г., 20 ноября 1914 г. и 29 апреля 1915 г. переводили процесс укрепления земли из явления единоличного, индивидуального характера в исключительно групповое землеустройство. Кроме того, обязательность выдела перестала быть главенствующим типом разрешения землеустроительных работ. Реакция деревни на мероприятия уступок была однозначной: наращивание усилий в борьбе с реформой. Например, тамбовский губернатор сообщал в МВД 6 июня 1915 г., что крестьяне обрели мнимую легитимизацию своим действиям в газетах (в частности, «Русское слово»), поместивших сообщения главы ГУЗиЗ А. В. Кривошеина об отложении мероприятий перехода на хуторское хозяйство до окончания войны. В конечном счете, политика уступок закончилась фактической капитуляцией верховной власти перед деревней, которой «циркуляр № 31 был воспринят как свидетельство слабости власти, как долгожданный легальный повод для удара общины по реформе»¹⁶.

Община в годы войны пыталась вернуть себе позиции, утраченные в 1907–1914 гг. в ходе аграрной реформы. Несомненным достижением этой борьбы стало свертывание процесса земельных укреплений в деревне, на что власть была вынуждена пойти под давлением положения дел на фронтах. Исследователь московского региона справедливо пишет, что это «в условиях войны являлось совершенно обоснованным и неизбежным решением»¹⁷. Ведь лето 1915 г. – пик поражений русской армии на Восточном фронте и отступление по всему фронту.

Влияние армии на деревню неоспоримо, причем в селе информация, приходившая от солдат, подвергалась неизбежной переработке, переосмыслению с одновременной тенденцией наложения на деревенские проблемы. В отношении перехода крестьянству частновладельческой земли местными властями сообщалось, что «крестьяне даже не допускают, чтобы могло случиться иначе, и высказывается только неудовольствие на медлительность правительства в осуществлении

этой меры». Государственными ведомствами отмечалось, что замечается тенденция к солидарности крестьян с фабричными рабочими и солдатами, совпадению степени их претензий к правительству. Указывая, что в целом крестьянство держится спокойно, донесения в соответствующие органы свидетельствовали о расчетах крестьян «своевременно предъявить требования на землю» после войны. Данная тенденция проходила параллельно с учащением преступлений по оскорблению императора¹⁸.

Параллельный рост цен на предметы первой необходимости, усугубляемый антиправительственной позицией, занятой оппозиционными кругами (и соответственно контролируемыми ими печатными органами, широко распространенными в стране), вызывали ропот в адрес военного министра, премьера и других высших должностных лиц по поводу происходящего на фронте и неподготовленности к войне подобного масштаба. В августе 1915 г. наблюдалось даже недолговременное по своим временным рамкам, но, тем не менее, настораживающее явление усиленного изъятия крестьянами своих вкладов из сберегательных касс¹⁹.

Брусилковский прорыв 1916 г. вызвал новый взрыв патриотизма и бодрого настроения в тылу. МВД отмечало небывалый подъем духа «в связи с летними победами». Но этот энтузиазм не был таким, как в 1914 г. Деревня уже «уставала» от войны. Наиболее тонкие наблюдатели замечали, что «бабы не интересовались, каким будет исход войны, главным для них было – скорейшее заключение мира»²⁰. То есть деревня ждала мира с тем нетерпением, каковое грозило вылиться в самовольное силовое подхлестывание его приближения. Губернские должностные лица с тревогой отмечали, что затягивание мировой войны притупило интерес к событиям на театре военных действий. Телеграфные известия воспринимались с недоверием, а телеграммы «без перемен» истолковывались как ухудшение положения на фронте. Если объективные военно-технические условия, экономические возможности были на стороне Антанты, то субъективизм народной массовой психологии, дополненный разом навалившимися тяготами тыловой жизни в конце 1916 г., как, например, продовольственный кризис или развал транспорта, играли против России.

Характерна некоторая избирательность народной психологии. Так, считая причиной всех военных неудач измену, слухи разделяли военачальников с русскими и немецкими фамилиями: «генерал Эверт на аэроплане улетел к немцам», «генерал Брусиллов взят в плен» и т. д. «Убытие из строя» ведущих полководцев делало дальнейшие боевые действия еще более бессмысленными. Зато речи оппозиционных деятелей встречались с восторгом, как в окопах, так и в тылу, о чем незамедлительно шел обмен письмами между фронтом и селом²¹.

Таким образом, представляется обоснованным вывод отечественных исследователей, что в ходе войны деревня «не видела нужды в активной поддержке государственных военных усилий»²², следствием чего стала постановка на первое место борьбы крестьянства за реализацию своих надежд. При этом, что характерно, готовность села к поддержке государства «испарялась» постепенно, по мере затягивания военных действий.

Сельское хозяйство Российской империи в 1914–1916 гг. как объективная данность во многом не претерпело дезорганизующего влияния войны. Неудовлетворительное положение деревни, отмечаемое современниками, скрывалось, скорее, в человеческом восприятии и преобразовании в сознании существующих объективных условий окружающего мира. Все сравнивалось с критериями мирной жизни. Сельское хозяйство, многое теряя в военное время, одновременно, как могло, приспособлялось к новым условиям, вызванным неожиданными для мирного периода тяготами. Мобилизация ресурсов страны на нужды фронта первым делом легла на плечи российского крестьянства как главного работника и защитника отечества. Но в начале войны власти не скупились на оказание помощи сельскому населению, так как предполагалась скоротечность военного лихолетья и победоносный его исход в самом скором времени, после чего, думалось, Российская империя продолжит начатые в 1906 г. преобразования аграрного сектора российской экономики.

Мобилизация запасных, прошедшая накануне полевой страды, вызвала небывалый всплеск попечительства государства и общества над крестьянством. Помимо государственных «пайковых» выплат по закону 25 июня 1912 г., деньги собирались земствами и благотворительными организациями. Так, циркуляром от 27 июля 1914 г. МВД предложило губернским властям озаботиться организацией помощи семьям призванных. Пока призывы не охватили большей части крестьянского населения и экономика страны окончательно не перешла на военные рельсы власти различных уровней, кооперативы, потребительные и сельскохозяйственные общества и товарищества, «мир», наконец, оказывали весьма действенную помощь семьям солдат. Община, помогая деньгами и продуктами, основной упор делала на «подмогу» трудом, ввиду малой денежности крестьянских бюджетов и вековой традиции этики выживания. Нередко крестьяне считали излишней помощь вследствие перечисления пособий в солдатские семьи, что постепенно вело к росту социальной напряженности в деревне²³.

Разнообразие субъектов помощи позволяло варьировать ее получение, а разные субъекты помощи оказывали различную помощь своим адресатам: земства – денежные ассигнования, бесплатный отпуск сельскохозяйственных машин и орудий; кооперативы – организаторский труд, добровольная помощь рабочей силой;

сельские общества – непосредственный труд в обязательном порядке; соседские «помочи». Часто инициатором оказания поддержки семьям солдат на сельских сходах выступали общие собрания кооператоров²⁴.

1916-й год, поставивший перед страной массу новых проблем, вызвал некоторые опасения за состояние сельского хозяйства. В первую очередь, это была боязнь недосева полей и возможностей уборки урожая. Однако Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г., призванная определить экономико-продовольственные возможности империи в продолжении борьбы, установила, что данных явлений как отчетливо выраженного фактора, могущего влиять на ситуацию внутри страны, не наблюдается. Больше опасение внушало положение дел в частновладельческих хозяйствах, ввиду прогрессирующей нехватки рабочей силы, что должно было по прогнозам особенно сказаться в предстоящем 1917 г., ибо передаваемых в сельское хозяйство военнопленных не хватало. Так, в губерниях Центральной России многие крестьяне, нанявшиеся с осени 1915 г. на полевые работы во владельческие имения, весной требовали изменения условий найма. Неявка крестьян грозила сокращением посевной площади у производителей, дававших более трети товарного хлеба. Поэтому губернаторы требовали от сельской администрации побуждать крестьян к исполнению обязательств при помощи земских начальников. При этом предписывалось сообщать о каждом случае отказа от работ после произведенного дознания самому губернатору²⁵. Крестьянское же хозяйство в целом оценивалось в оптимистическом ключе. Если судить по посевной площади, на грани бедности находилось около 18 % крестьянских хозяйств, что было характерно и для мирного времени, и до ½ были в относительно неблагоприятном, но никак не катастрофическом положении. Такая обстановка для преимущественно аграрной страны, участвующей в мировой схватке, является, по нашему мнению, подлежащей скорее позитивной оценке состояния дел. В целом деревня несколько сократила посевную площадь, отказалась от трудоемких культур и неземледельческих заработков, а фактор аграрного перенаселения Европейской России компенсировал убыль рабочей силы в связи с потребностями фронта.

Неизбежность нового военного года, что стало очевидным уже в сентябре 1916 г., осенние неудачи на фронтах под Ковелем и в Румынии накладывались в сознании крестьянства на прошедшие в печати сведения о предполагаемом наделении земель георгиевских кавалеров. Это вызвало новый виток слухов о всеобщем награждении общины²⁶. Теперь всплеск был, несомненно, еще мощнее, ибо за плечами страны было уже два года войны – неудачной войны, на взгляд общества и народа. Такой взгляд формировался независимо от объективных обстоятельств. Кризис снабжения

зимы 1917 г. стал последней каплей, сломавшей российскую монархию, что позволило русскому крестьянству в ходе развития революционного процесса в России приступить к реализации тех идеологем и целей, что утвердились в массовом сознании во время Первой мировой войны.

Примечания

- ¹ Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 98.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 72. Л. 9; Ч. 78. Л. 12.
- ³ Там же. Ч. 14. Л. 15об.
- ⁴ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 665. Л. 1–2.
- ⁵ Там же. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 101. Л. 181–183.
- ⁶ Сенчакова Л. Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний : в 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 11, 116.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 11. Л. 1–1об.
- ⁸ Там же. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 14. Л. 21; Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. М. ; Л., 1965. С. 250.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 14. Л. 6–6об., 11.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 72. Л. 12; Ч. 48. Л. 2–2об.
- ¹¹ Там же. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2013.
- ¹² Там же. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 72. Л. 13об.; Д. 72. Ч. 7. Л. 7.
- ¹³ На крутом переломе. Век XX. М., 1984. С. 296.

УДК 908[286.12]

ГОЛОД И МЕННОНИТСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ПОВОЛЖЬЕ В 1920-е ГОДЫ

Н. О. Евсеев

Саратовский государственный университет
E-mail: decoloced1111@gmail.com

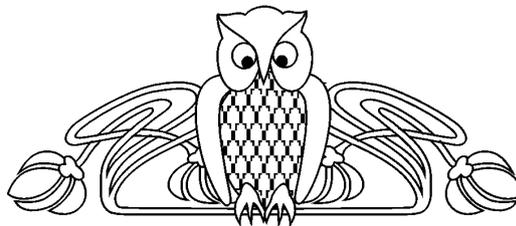
В статье рассматривается жизнь меннонитской деревни Поволжья в начале XX в. через призму первых лет советской власти и голода в Поволжье 1921 г. Данная работа основывается на опубликованных архивных документах, а также на источниках личного происхождения – дневниках, мемуарах, письмах и т. д.
Ключевые слова: Гражданская война в России, голод в Поволжье 1921 г., немцы Поволжья, меннониты, Американская администрация помощи (АРА), Американская меннонитская помощь (АМП), И. И. Дик (1885–1948).

The Famine and the Mennonite Village of the Volga Region in the 1920s

N. O. Evseev

The article deals with the history of the Mennonite village life in the Volga Region at the beginning of the XX century, as seen through the prism of the first years of the Soviet power and the Volga region fam-

- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 78. Ч. 1. Л. 3об.–4.
- ¹⁵ Там же. Д. 72. Ч. 1. Л. 16; Д. 108. Ч. 14. Л. 14.
- ¹⁶ Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). Тула, 2000. С. 394.
- ¹⁷ Ковалев Д. В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). М., 2004. С. 121.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 7. Л. 8об.–9, 12.
- ¹⁹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 688. Л. 16.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1916. Д. 108. Ч. 26. Л. 10; Д. 42. Ч. 9. Л. 24об.
- ²¹ Там же. Ч. 30. Л. 12об.–15.
- ²² Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Великая война и общественное сознание : превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 62.
- ²³ См. напр.: Трошина Т. И. Социальные мероприятия государства в годы Первой мировой войны и их влияние на состояние крестьянского населения (на примере северных губерний) // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск, 2014. С. 312–315.
- ²⁴ Война и костромская деревня. Кострома, 1915. С. 4–19, 30; Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915. Вып. 1. С. 456, 462, 466.
- ²⁵ ГАТО. Ф. 90. Оп. 8. Д. 445. Л. 16.
- ²⁶ ГАРФ. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 72. Л. 14.

ine of 1921. This article is based on archival documents and historical sources of personal origin – diaries, letters, memoirs, etc.

Key words: Russian Civil War, Volga region famine of 1921, Volga Germans, Mennonites, American Relief Administration (ARA), American Mennonite Relief (AMR), J. J. Dyck (1885–1948).

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-90-95

Период с конца XIX в. до начала XX в. можно назвать «золотым веком» меннонитских колоний на Волге. К 1914 г. они стали одними из самых процветающих поселений данного региона. Небывалый экономический подъём обеспечивался не только прогрессивными методами ведения хозяйства (товарное, зерновое и животноводческое производство фермерского типа), но и развитой